

The background is a stylized illustration of a forest. The color palette is dominated by various shades of green and teal, with some darker blue and yellow accents. The trees are depicted with thick, gnarled trunks and dense foliage. In the lower center, a small, dark figure is visible, possibly a character or a creature, standing near some small, colorful plants. The overall atmosphere is mysterious and magical.

Русские народные сказы

Татьяна Томина

Татьяна Анатольевна Томина

Русские народные сказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70051582

SelfPub; 2023

Аннотация

В сборнике представлен краткий современный пересказ русских народных сказов.

Татьяна Томина

Русские народные сказы

Вступление от автора пересказа

Бояны⁽¹⁾ по' свету ходили,
Плели истории канву.
Их сказы много отразили,
А числят только как молву.

Сплетали сказку они с быльёю
И слышишь в этих голосах -
Не надо покрывать всё пылью,
Увидьте правду в чудесах.

(1) Боян –древнерусский певец и сказитель, «песнотворец», персонаж «Слова о полку Игореве»

Сказ о Волхве Всеславьевиче

Гуляла по саду зелёному красавица Марфа-княжна,
На камень ступила красавица, под ним она змея нашла.

Змей ластится к деве-красавице, её обвивая круго'м.
И дева та стала беременной, и скоро – роди'ны в их дом.

Во славном во городе Киеве родился чудной богатырь,
Назвали ребёночка Волховом, пока там не знали крестин.

Земля всколыхнулась от этого, все звери и птицы снялись,
До царства Индейского дальнего тож вести о нём добра-
лись.

Волхв был в богатырском сложении, не хочет игрушек
иных,

Лишь щит, да булатную сабельку он просит у мамок сво-
их.

Как семь то годочков исполнилось – в учение надо отдать,
Раз грамоту выучил скоренько – другому в ученье по-
слать.

Учился, как сделаться соколом, учился по-волчьи как
жить,

Учился и третьей премудрости – как туром гнедым ему
быть.

Двенадцать годочков исполнилось, стал войско своё наби-
рать,

Семь тысяч набрал себе сверстников в три года, такая вот рать.

Услышали в городе Киеве – индейский царь мыслит поход,

Пограбить, пожечь землю Волхову, но Волхв не сидит и не ждёт.

В индейский поход он отправился, дружине его благодать,
Все спят, он то волком охотится, то соколом – дичи достать.

Дружину накормит, оденет он и сам же в разведку пойдёт –
И туром гнедым быстро скачет он до вражеских самых ворот.

Как сокол летит он к окошечку, услышал такой разговор –
Царю там Елена-царица твердит: «Вдруг в походе позор?»»

Потом горностаем прикинулся наш Волхв и спустился в подвал,

Оружие всё перепортил там, разгром тот никто не видал.

Он соколом быстрым к дружине вернулся и будит ребят,
Привёл их к стене белокаменной, чему царь индейский не рад.

Стена неприступной казалась, Волхв всех превратил в муравьёв,

Проникли за стену муравушки, а там обернулись в бойцов.

Сказал он дружине – хозяйничать, оставить семь тысяч девиц,

А сам поспешил в залу царскую, царя Салтыка чтоб убить.

Свершилось, как всё он задумывал, он в жёны Елену берёт,

Семь тысяч его тех соратников Волхв женит, богатства даёт.

Бойцы стали люди посадские, есть дом и есть крепкая дверь,

Коней и коров по сто тысяч у каждого было теперь.

Сказ о Добрыне и Змее

В богатом городе Рязани купец Никита проживал.

Когда почил купец Никита, сынок его ещё был мал.

Сынка Добрынею все звали, учился он считать-писать,

В двенадцать лет с своей дружиной учиться стал он воевать.

Однажды в жаркий полдень лета Добрыня к матушке идёт:

«Хочу я в речке искупаться, дай разрешенье на поход».

На Израй-реку отпустила, благословение дала,
Сказала: «Далеко не плавать», река та быстрая была.

Пришли на реку, все разделись, Добрыня сразу в воду – бух,

Заплыл на самую стремнину, такой был парень – непослух.

Стремнина же его приносит в пещеру, где бела стена,
В пещере жил той Змей-Горыныч, он рад – еда пришла сама.

Добрыня на ноги поднялся и смог на берег шмыгнуть он,
Песка насыпал в свою шапку, противник у него силён.

И вот Горыныч налетает, Добрыня шапку запустил,
Запорошил песком глазища, Змей рухнул, хобот повредил.

Добрыня доброю дубиной, что оказалась на берегу,
Забил врага почти до смерти, сушить повесил на суку.

В пещеру поспешил Добрыня, весь выводок он покрошил,
Освободил из плена тётю и злата-серебра добыл.

С Марией-тётей он вернулся, а дома матушки то нет -
Приехал солнце-князь Владимир и всех позвали на обед.

Пошёл Добрынюшка до князя, в кручине все вокруг сидят,

Но как зашёл туда Добрыня, князь был племяннику так рад.

Добрыня Спасу поклонился, сей образ главный в доме был,

Расцеловал свою мамашу, та не ругает – нет уж сил.

Всё рассказал Добрыня людям, как Змея победить сумел
И тётю он привёл обратно. Весёлый пир там загудел.

Сказ о Добрыне и Маринке

В Киеве, во граде, где Владимир правил,
Жил давно Добрыня, столовался там.

Надоело парню всё сидеть в ограде,
Надоело молодцу слушать вечный гам.

Взял Добрыня стрелы, вышел на охоту,
Пострелять воробушков, да и голубей.
Он пошёл по улицам, зашёл в переулок,
А там ладный терем, повернул б скорей.

У окошка терема миловались голуби,
Завидно Добрынюшке, он и стал стрелять,
Не попал Добрынюшка, угодил в окошко,
Стёкла разлетелись, зеркало – где взять?

А жила в том тереме дева еретичная
Имени – Маринка, та давай орать:
«Этого невежу проучу я быстро!»
Набрала следочков, стала колдовать.

Разожгла дровишек в печи неохватной
И приворожила к себе молодца.
Уж не спит Добрыня, ждёт он до рассвета,
Прибежал к Маринке, не послав гонца.

Мог узнать бы, что там была вечеринка,
Змей Горыныч тоже ползал среди гостей.
Молодец наш – в терем, где его ругают,

Поборол он Змея, хоть тот без костей.

Но зовёт Маринка Змея опять в терем,
Мол, Добрыню клячей сделает она,
Будет водовозом. Обернула туром
И пастись пустила в дальние поля.

И прошло полгода, как исчез Добрыня.
Раз на пир собрались в княжеском дому.
Были там и мать, крёстная Добрыни,
Там была Маринка, страстная к вину.

Напилась Маринка, стала похваляться,
Мол, как тур гуляет ваш родной сынок.
Есть таких с десятков – всех оборотила,
Пусть пока пасутся, им не вышел срок.

Мать Добрыни в слёзы, крёстная – в запале
Говорит Маринке: «Если не вернёшь,
Превращу я в суку, кобели чтоб знали,
За кем надо бегать. Я могу то тож».

Птицей обернулась девка та Маринка,
Полетела в поле, где Добрыня был.
Говорит, мол, если, возьмёшь меня замуж,
Оберну обратно, уж пропал мой пыл.

Мо'лодец согласен, честно он сказал ей:
«Стану тебе мужем – поучу тебя».
Та в слова не верит, поженились там же.
Свадьбы ведь бывают, когда – не любя.

Но Добрыня помнит, что та зло чинила,
В терем ему надо, саблю чтоб добыть,
И давай дубасить – жуть, что с нею было,
Мы не будем это вам здесь говорить.

Сказ как Добрыня чудь покори

В стольном граде Киеве было пирование,
Князь Владимир-солнце гостей пригласил.
Долго проходило это столование,
А затем Владимир к речи приступил.

Мол, князья, бояре, верные мне слуги,
Кто поедет нынче в дальние края?
Мне нужна дорога, что идёт до тестя,
Но чудь белоглазая там шалит не зря.

Долго нет ответа, каждый тупит взоры,
Встал тогда Добрыня – добрый молодец:

«Дяденька Владимир, я готов поехать,
Волю я исполню, ты мне как отец».

В дом пошёл Добрыня к матушке любезной,
Та, конечно, в слёзы – вылез среди гостей,
Только поженился, а уже походы,
Не жалеешь, мол, ты Настеньки своей.

Он к жене приходит, душеньке Настасье,
Говорит слова ей: «Служба у меня.
Жди ты шесть годочков или все двенадцать,
Лишь потом вновь замуж, так прошу тебя.

Мужа выбирая, забудь про Алёшу
С отчеством Попович – названный мой брат».
С этими словами выехал на службу,
Богатырь он знатный и он делу рад.

Бился наш Добрыня с чудью белоглазой,
Князю путь расчистил к тестю своему.
Он другие орды поразил не сразу,
Потому до дома долгий путь ему.

Шесть прошло годочков, а потом двенадцать
И его Настасье женихов уж нет.
Князь Владимир видит – жёнка пропадает

И Алёше грозный он даёт совет.

Свадьбу назначает и ведёт к венцу их.

А в тот день Добрыня к Киеву спешит,

Въехал на подворье, матушка в печали,

«Где моя Настасья?» – сын ей говорит.

– «Под венцом Настасья, князь велел ей замуж».

На коня Добрыня, мчит во весь опор.

Не успел к венчанью, тогда – в терем князя.

Гости удивились – ведь пришёл укор.

«Княже мой Владимир, я приказ исполнил –

Чудь, другие орды покорил тебе.

Ладно бы Алёша – он то подневольный,

Удивлён тобою – я живой вполне».

Настя подскочила, мужа увидавши,

Хочет поскорее милого обнять.

Говорит Добрыня: «Обойди столы ты,

А то их бесчестье будет всем видать.

А тебе, Алёша, названный братишка,

Я скажу – венчался, значит, ты женат,

Правда, до кровати некого вести вам –

Не с кем тебе честно спать отныне, брат».

Сказ о Добрыне и Василии

Владимир-князь устроил пир, гостей он пригласил.
Князья, бояре в ряд сидят – их славно угостил.

Наелись, выпили они и стали развлекаться -
Кто силой, добрым кто конем и златом похваляться.

Разумный – матушкой своей, безумный – тот женою.
Владимир слушал этот гам, кивая головою.

Потом встаёт пресветлый князь и так им говорит:
«Богатырей хочу послать я с данью, долг велит.

Двенадцать лет не слал я дань, а Бутеян то ждёт.
Пора послов отправить мне с дарами. Кто пойдёт?»

Все затаились на пиру, один лишь дед встаёт
И предлагает он послать Василья, мол – почёт.

Василью чашу наливал Владимир, выпил он,
Сказал: «Добрыню бы ещё, Добрыня ведь силён».

Добрыня чашу выпивал и просит, чтоб Иван

Поехал тоже в тот поход, служить он им бы стал.

Троих одобрил светлый князь, письмо, дары несёт.
Пошли собираться те в поход, а утром – встреча ждёт.

Добрыня матушке своей печаль стал изливать:
«Хотел бы камнем я лежать иль деревом стоять».

А матушка его в ответ так сыну говорит:
«Я если б знала про беду, что жизнь тебе сулит,

Дала б я возраст от Ильи, что Муромцем зовут,
А силой был бы ты Самсон, он – богатырь, не врут».

Но делать нечего – приказ не будешь нарушать,
Добрыня стал в поход добро неспешно собирать.

Одежду добрую одел, он лук, копьё берёт.
Всё дорогое у него – в бою не подведёт.

Когда уж сел он на коня, мамаша голосит:
«Настасья, мужнина жена, беги да расспроси,

Далёко едет ли твой муж и ждать когда его».
Добрыня отвечал жене: «Шесть лет – чтоб никого.

Когда двенадцатый годок пройдёт, то весть ты жди.
Коль прибежит один мой конь, тогда то и тужи.

Живи вдовой иль – под венец, но только не ходи
За Алексея, что всем люб, – Поповича. Гляди!»

У дуба встретились с утра и помолившись – в путь.
Три года длился тот поход, невзгод досталось – жуть.

Но доскакали до орды и к Будаею в стан.
Василь берёт письмо, дары, он, как бы, не устал.

И бодро входит он в шатёр, там пир в ту пору был.
Но Будаея на этот пир его не пригласил.

Письмо повинное берёт, дары берёт из рук,
Развлечься хочет Будаея, зовёт он громко слуг.

Чтоб принесли ему игру, что шахматы зовут,
Коль победите вы меня – не долго вам быть тут.

Василь Добрыню посадил за жизнь их поиграть.
Сначала верх взял Будаея – беду им видно ждать.

Потом два раза богатырь Добрыня победил.
Расстроился тот Будаея, к другому приступил.

Несут заветный лук его и малое кольцо:

«В кольцо коль попадёте вы – в сохранности лицо».

Василь Добрыни дал почёт в ту малу цель стрелять.

Добрыня лук вмиг натянул и смог его сломать.

Второй лук слуги принесли – огромный такой лук!

И вновь Добрыня лук сломал как тот трухлявый сук.

Свой лук походный просит он и лук ему несут.

В кольцо Добрынюшка попал – о меткости не врут.

Когда стрелял сам Будеяр, не так он меток был.

Затеял новую игру – бороться, что есть сил.

На двор Добрыня выходил – там тьма богатырей,

Иван в сраженье подсобил с дубинушкой своей.

Поколотили всю их тьму – ну, Будеяр вопить:

«Останови своих ребят, оставь моих ты жить!

Бери назад свои дары, я буду вам платить!»

Василь бойцов остановил – раз могут отпустить.

Вручили грамоту, дары, мол, Будеяр – должник

Пред князем киевским. Багаж теперь опять велик.

Три года снова длится путь, до Киева дошли.
Василю надо в Цареград, Иван – в Иерусалим.

Добрыня у дубка уснул, два голубка летят,
«Ты не найдёшь свою жену» – ему те говорят –

«Теперь Алёша будет муж, Поповичем зовут.
У князя пир идёт горой, тебя там и не ждут».

Добрыня скачет на свой двор, а мать не узнаёт,
Он скомороший там костюм из сундука берёт.

На пир пришёл как скоморох. Так музыкой дивит,
Что князь Владимир посадить его за стол велит.

Добрыня перстень обручной кидает в винну чарку
И Насте подаёт её – пусть выпьет, в зале жарко.

По перстеньку та узнаёт, что скоморох – Добрыня.
Прощенье просит у него и гнев его остынет.

Ведь князь велел, а он – закон, послушаться не смела.
Добрыня князя пристыдил: «Платить так, то не дело».

Алёшу помутузил он о каменный о мост:
«Почто жену мою увел? Ты, брат, совсем не прост».

Пошли домой, а мать ждала – узнала всё ж сыночка.
Зажили счастливо они. На этом в сказе – точка.

Сказ о сорока каликах

Собрались раз ка'лики⁽²⁾ в Иерусалим,
Сорок было ка'ликов, атаман – один.

Боголюбов монастырь их собрал таких,
В атаманы им – Касьян, лучший среди них.

Говорит Касьян друзьям: «Далеко идти,
Надо заповеди нам крепко соблюсти.

Если вор вдруг среди нас, лжец иль злободей⁽³⁾,
В чисто поле мы его – в землю до плечей».

Вот неделю уж идут, видят – Киев-град,
А навстречу – местный князь, встрече он не рад.

На охоте князь тот был, денег нет, им дать.
И решил Владимир-князь в Киев их послать.

Там жена его сидит, приютит их в ночь,
Апраксе'вной её звать, короля, мол, дочь.

Их накормит, злата даст. «Что бы не зайти» –
Так решили ка'лики – «Киев ж по пути».

К терему они идут, встали в свой кружок,
От их пения – разгром, даже бит горшок.

Просят злата-серебра на свой дальний путь,
Апраксе'вна их зовёт – примет как-нибудь.

Пир устроила для них, три часа сидят.
Приглянулся ей Касьян – «Может тоже рад?»

Ка'лики все поднялись, надо б уходить.
От княгини к ним гонец – ночевать просить.

То Попович Алексей на посылках был,
Он Касьяну говорит: «Вот бы услужил.

Там княгиня ждёт тебя, ты княгине мил».
Хоть Касьян и был смущён, но умерил пыл.

Апраксе'вна же в сердцах Алексея шлёт -

Ты зашей ему в суму чарку, князь с ней пьёт.

Сделал «дело» Алексей, почему – вопрос.
Он же сроду честный был. Совесть кто унёс?

Ка'лики когда ушли, шлёт опять гонца –
Вновь Попович Алексей, жалко молодца.

Приказал всех обыскать, получил отбор.
Возвратился он ни с чем, мол, не найден вор.

Но когда Владимир-князь до дому дошёл,
То жена и говорит: «Чарку вор нашёл».

Князь Добрыню посылал вора отыскать,
Знал Добрыня, сделать как, чтоб не обижать.

– «Сами по кругу себя вы и обыщите,
А найдётся чарка здесь, вы уж не взыщите».

Чарку ту они нашли в сумке у Касьяна.
Вспомнить надо уговор – врыли атамана.

С плачем дальше все пошли до Иерусалима.
Как же там в земле Касьян? Хуже нет, вестимо.

А Добрыня в Киев-град возвратился с чаркой,
Но княгиня вдруг слегла от болезни жаркой.

Ка'лики к Святым местам вышли без изъяна,
Приложились, помолились о душе Касьяна.

– «К дому нам теперь пора, долго возвращаться.
К месту, где Касьян зарыт, чур, не приближаться».

Но услышали в пути странное вдруг пенье,
И узнали – то Касьян. Вот ведь удивленье!

Добежали до него, к руке приложились,
Выскочил он из земли – чудеса случились.

Ни за что он пострадал, не дав волю воплям,
Он полгода потому был в гнездовье тёплом.

К князю все опять зашли, чтобы подкрепиться.
Князь в тоске сидит давно – к делу не годится.

Мол, гниёт его жена, не понять в чём дело.
И пошёл туда Касьян, поступь его смела.

Не боится смрада он, окна раскрывает,
На больную дух святой Касьян налагает.

Вмиг болезнь её ушла, все румянят лица.
Можно пировать теперь, можно веселиться.

Всё Касьян благословил, как святой, на пире.
Три денька, потом – домой, говорится в мире.

(2) ка'лики (ка'лики перехо'жие) – старинное русское название странников, поющих духовные стихи и былины, первоначально (с 11 века) русские паломники по Святым местам и монастырям

(3) любодей – церковное, книжное, волокита, прелюбодей

Сказ об Иване гостинном сыне

В стольном граде Киеве дал Владимир пир,
Пригласил бояр он, богатырский мир.

В середе пира, в середине дня,
Разошёлся княже, решил «дать огня».

Говорит Владимир: «Есть среди вас такой,
Кто табун обгонит? – Станет он герой.

Мой табун немалый – триста лошадей,

Да ещё три главных гордости моей.

Сивый, кологривый⁽⁴⁾, ну и Воронок -
Из Орды Ильюша как-то приволок.

У Тугарин-Змея Муромец взял сам.
Надо до рассвета в град Чернигов вам.

В зале же – молчанье, выйти нет причин,
Встал тогда Ванюша, он гостиный⁽⁵⁾ сын

«На заклад я ставлю» – говорит Иван -
«Голову свою лишь», денег, мол, не дам.

Стали делать ставки – кто же победит,
Сбросились на князя – тысяч сто кредит.

За Ивана лепту внёс Чернигов-князь:
«Ваня, я надеюсь, чтоб лицом не в грязь».

Ваня до конюшни, где стоит конёк,
Плачет Ваня горько там у конских ног.

Мы с тобой пропали, обещал я зря,
Скачку не осилим, хоть мы и друзья.

Слышит Ваня голос – то его конёк,
Бурый тот трехлетка вдруг слова изрёк.

«Что ты, Ваня, плачешь, не боюсь я их,
Сивых, кологривых, вороных – любых.

Ты меня, Ванюша, мёдом попой,
Накорми зерном ты, погулять води.

Через три денёчка придут за тобой,
Мы их напугаем – за тебя я в бой.

Ты оденешь шубу, что из соболей,
Что за восемь тысяч с пуговками в ней.

Без уздечки, Ваня, отведёшь меня,
Встану на дыбы там, сброшу соболя.

Не жалея ты шубу, если жив – сошьёшь.
Если же погибнешь, шуба зачем всё ж?

Так то и случилось. Вызвали когда,
На дворе у князя вышла ерунда.

Ванин бурый коник встал там на дыбы -
Полетели ключья шубы в все углы.

Бурка смотрит грозно и как змей шипит.
Стало всем понятно – первым добежит.

Табун испугался, вмиг с двора долой,
Сивый сломал ноги, кологрив – немой.

Вороной умчался быстренько в Орду,
Гости все – на землю, князя не найду.

Князь с женой – в подполье и кричит отсель:
«Я, Иван, раздумал, пусть уходит зверь.

Ты урода, Ваня, срочно приструни,
Договор я рушу, клятву взад бери».

Но Чернигов-княже помнит уговор,
На Днепре он тут же учинил разор.

Захватил с товаром князь тот корабли.
– «Проиграл раз Киев, мне залог дари».

(4) кологривый – нестриженный, косматый

(5) гость – здесь, приезжий купец

Сказ о Щелкане

В Большой орде жил царь Азвяк, обычно лют он был,
Но часто шуринам своим подарочки дарил.

Подарки – стольны города, что были на Руси
Кому-то Плѣс иль Кострома, иль Вологду неси.

Всех шуринов он одарил, Щелка'на только – нет,
Щелкан в Литовской был земле, принѣс там много бед.

За данью ездил тот Щелкан, барыш хороший взят,
С князей – по сто рублей пришлось, с бояр – по пятьдесят.

С крестьян – по пять, а денег нет – возьмѣт тогда дитя,
А нет дитя – жену возьмѣт, жены нет – то тебя.

В орду вернулся тот Щелкан, в подарок дал Азвяк
Коня с уздечкой золотой в парче, но всё – не так.

Щелкан Азвяку говорит: «Ты города раздал,
Хочу я Тверь – богатый град, где главным я бы стал.

И пусть Борисовичи те, кого ты одарил,
Мне в подчинение идут. Прошу, чтоб так решил».

«Ну что ж» – сказал ему Азвяк – «Коль ты сынка убьёшь
И выпьешь кровушку его, себе ты Тверь возьмёшь».

Злодей Щелкан убил сынка и кровь его испил,
И главным едет в город Тверь, он это «заслужил».

Борисовичам раздаёт указы день за днём,
А город стонет от него – ведь словно вороньё.

Он вдов бесчестил и девиц, дома их разорял,
Народ не выдержал того и выборных послал.

К Борисовичам мужики посадские пришли,
Приносят жалобу они, с подарками мешки.

В подарках – золото-серебро и разны жемчуга,
Несут Борисовичи то к Щелкану до двора.

Щелкан подарки принимал, но гордость его прёт -
Он уваженья им не дал и жалоб не берёт.

Борисовичи вошли в раж: «Зачем подарки взял?!»
Схватили Щелкана, их гнев злодея разорвал.

Последствий не было тому, а как, – то не вопрос -
Никто на братьев во Твери Азвяку не донёс.

Сказ о Терентии

Во Новгороде случилось,
То донесла до нас молва.
Когда всё это приключилось,
Не знаем, нам мораль важна.

Купец богатый жил в слободке,
Дом полной чашей у него.
Зачем женился на молодке?
Да, в том ему не повезло.

Второй уж день жена страдает.
Всё охи, вздохи – как понять?
Купца прислуга не пускает,
Вдруг там зараза – не узнать.

Авдотья просит: «Мне б лекарство,
Возьми рублей сто поживей.
Ждать долее уже опасно,
Иди за лекарем скорей».

Терентий, звали так купчину,
Пошёл – любима им жена.

Встречает странную личину –
Там скоморошья⁽⁶⁾ шли дела.

– «Почто Терентий ты печален?»

– «Жена больна. Как излечить?»

Я лекаря найти не чаял.

Готов кто плату получить?»

«Поможем» – взяли в круг купчину -

«Зайдём на рынок мы сперва».

Купили быстро мех, дубину,

Свинцом дубина залита.

В тот мех запрятали купчину,

Пошли к нему – дай им обед.

Авдотья говорит: «Мужчину

Я не пущу, ведь мужа нет».

Ей скоморохи рассказали:

«Убили мужа у моста,

Мы сами это всё видали»,

Так врут и нет на них креста.

Авдотья их пустила в залу,

Повеселела. Где болезнь?

Наговорила им немало -

Что, муж был ей противен весь.

Терентий выскочил из меха,
Схватил дубину и за ней.
Погнался в спальню – вот потеха,
Кровать дубасит всё сильнеей.

«Болезнь» вскочила из кровати
И бросилась «болезнь» та вон,
Оставив дорогое платье,
Пятьсот рублей и громкий стон.

Терентий сто рублей в придачу
К тем первым скоморохам дал.
А что жена? – Наверно плачет,
Давно её свет не видал.

(6) скоморохи – первые русские бродячие актёры, обычно сами сочинявшие разыгрываемые сценки, нередко сатирические, известны с XI века, особую популярность получили в XV—XVII веках, подвергались гонениям со стороны церковных и гражданских властей

Сказ об Илье Муромце и Соловье-разбойнике

У города Муромля в селе Карачарово
Казак старый издавна жил,
А звали Ильёю по прозвищу Муромец,
Иванович отчеством был.

Надумал Илья побывать в граде Киеве,
Узнать, как там люди живут.
Дорога ему мимо града Чернигова,
Где чёрные рати всех ждут.

Ту рать разогнал Илья, прозвищем Муромец,
Ворота народ отворил.
Его приглашают быть там воеводою,
Но он отказаться решил.

Дорогу сказать у черниговцев просит он
Что в стольный град Киев ведёт.
Народ говорит: «Две дороги на выбор есть,
Но та, что короче – не в счёт».

Сидит Соловей, прозывают Разбойником,
У речки Смородинки пост,
Как свистнет – то всё до земли пригибается,
Живое несут на погост».

Илья не боится, поехал прямёхонько

До речки Смородинки он,
От свиста Разбойника конь уж не движется,
Илья не издал даже стон.

Рукой богатырской стрелу направляет он
И выбил Разбойнику глаз,
Скрутил, привязал его к правому стремени
И в Киев поехал тот час.

Когда проезжал мимо дома Разбойника,
Три дочки его собрали'сь.
И младшая видит – отец стал невольником,
Мужей те позвали – борись.

Отец-Соловей говорит, что не стоит им
Тягаться с таким молодцом,
Зовите, мол, в дом, пир ему там устройте,
Коль вы дорожите отцом.

Илья отказался от пира злодейского
И дальше направил коня.
Доехал до стольного города Киева
И к князю – встречай, мол, меня.

Владимир князь-солнышко гостя приветил,
Спросил кто такой и зачем.

Илья отвечал, что из города Муромля,
Приехал так просто, ни с чем.

Мол, ехал полдня по кратчайшей дороге он,
Князь в том не поверил ему -
Чернигов в осаде, вокруг рати чёрные,
Разбойник наводит там тьму.

– «Я рати рассеял. Того же Разбойника
Сумел ослепить, повязать.
Ты выйди на двор и увидишь – негоже мне
Великому князю соврать».

Владимир – на двор, видит, связан Разбойник.
Князь требует от Соловья:
«Ты свистни, посмотрим твоё мы умение,
И ходят ли вести не зря».

– «Ты мне не указ, князь. Илья этот, Муромец,
Мне может один приказать,
Вот только уста запеклись, мне б вина испить,
Чтобы мог я как прежде свистать».

Вина принесли, что меда'ми разбавлено.
Он выпил поболее ведра.
Илья приказал: «Ты в полсилы свисти пока,

Чтоб здесь не настала беда».

Но даже от этого всё закачалось,
А стёкла – из окон все вдрызг,
Людишек попадало тоже немало,
Повсюду лишь вопли и визг.

Подумал Илья и принял решение –
Опасно такому всё ж жить.
И Муромец голову ту Соловьиную
Посмел без указа срубить.

Сказ об Илье Муромце и Идолище

Раз Идолище в Киев-град приехал погулять,
К Владимиру послал гонца, чтоб силу показать.

– «Пришли ко мне богатыря, мы будем воевать».
Владимир в ужасе сидит – такого негде брать.

Но Муромец там рядом был, Илья и говорит:
«Я в поле чистое пойду, судьба мне жизнь сулит».

Оделся ка'ликом Илья – на ноги лапотки',
На голову одел колпак из греческой земли.

Подсумок взял ещё с собой и вышел за порог,
Идёт и думает Илья: «С мечом то был бы толк».

Навстречу ка'лик тож идёт по имени Иван
С клюкою девяносто пуд⁽⁷⁾ – велик Ивана стан.

Илья клюку ту попросил, Иван пошёл в отказ.
– «Давай поборемся с тобой, судьба клюку мне даст».

Ивану драка ни к чему, он в землю клюку – ух!
С трудом Илья её достал и успокоил дух.

Пришёл он к Идолицу в дом, тот видит калика'.
Расспрашивает про Илью: «Что сила велика?

Помногу ест Илья и пьёт?», «Как я» – Илья сказал,
– «А я по семь пудов зараз в себя хлебов впихал».

– «Ты зря бахвалишься таким, хоть Идолицем звать,
От жадности бывает, что ведь может разорвать».

Тем Идолице разозлил Илья, тот бросил нож,
Но богатырь наш отстранил себя от смерти всё ж.

Илья хватает с головы шапчонку, что на нём,

И шапкой Идолице тот напололам сражён.

(7) пуд – устаревшая единица русской системы мер, равная с 1899 года 16,385 кг (10 пудов – стандартная бочка с воском), впервые упоминается в новгородских грамотах 12 века, отменена в 1924 году

Сказ об Илье Муромце и дочери

У города Киева – застава Московская, двенадцать стоят
молодцов,

Никто не пройдёт ту заставу великую, зверь, птица боятся
бойцов.

Но раз Дева грозная, собою великая, проехала мимо ре-
бят,

Поклон не отвесила, слово приветное не слышно, отряд
ей не рад.

Стоит Дева в поле у города Киева, конь добрый играет под
ней.

И просит та Дева у князя Владимира прислать-то сопер-
ника ей.

– «А если боятся, иди сам на поле, там смерть свою быстро

найдёшь,

Людишек твоих изведу поголовно и церкви разрушу я тож».

И старый казак, что по прозвищу Муромец, по имени был он Илья,

Отдал приказанье Алёше Поповичу поехать на бой в те поля.

Алёша подкрался, за деревом спрятался и Деву он ту рассмотрел,

Вернулся – ему с этой Девой не справиться, другого ищи для сих дел.

Добрыню послал, Никитича отчеством, он тоже вернулся ни с чем.

Придётся Илье самому ехать во поле, сразиться с противником тем.

Доехал до поля Илья, славный Муромец, и издали он увидал,

Как Дева та с палицей⁽⁸⁾ многопудовою играет – вот сил кто-то дал!

Два раза соперники в битве съезжались, доспехи спасли их от ран.

На третий раз пешими долго сражались, Илья уступил Деве – срам.

Стоит над поверженным Дева соперником, кинжал уж она занесла,

Спросила: «Как звать?», но Илья изловчился, и Дева та наземь легла.

Илья к этой Деве – с тем же вопросом, не мешкая всё расспросил.

Она и поведала – вдовья, мол, дочка, в Литве силой Бог наградил.

Мамаша послала на Русь, на святую, найти своего здесь отца.

Илья присмотрелся – у Девы лежащей знакомы черты-то лица.

«Ты – дочь моя! Жил я три года там, за данью отправлен я был».

Её поднимает за рученьки белые, пропал боевой его пыл.

Разъехались в стороны. В Деве разыграла вдруг некая тёмная мысль:

«Гулящей назвал мою матушку батя». Откуда те мысли взялись?!

В шатре у заставы Илья спит наш Муромец, не чует он лютой беды.

Подъехала Дева, порушила полог, рогатиной бьёт: «Умри ж, ты!»

На Муромце крест был немалого веса, проснулся от звона его.

Схватил свою дочь и убил окаянную: «Почто на отца своего?»

(8) палица – старинное ударное или метательное оружие – тяжёлая дубинка с утолщённым концом

Сказ о Дунае-свате

Владимир, киевский то князь, позвал к себе гостей,
Князья, бояре на пиру, не счесть богатырей.

Князь ходит, говорит слова: «Женаты все почти,
А я пока что холостой и жизнь моя в грусти.

Где мне найти жену под стать, пригожею собой,
Чтоб брови – будто соболя, походка – лани той?»

Молчат все в зале, дед Пермил тогда заводит речь:
«В земле литовской их король устал уж дочь стеречь».

Опраксой девушку зовут, она тебе под стать.
Ты посылай туда сватов жену себе достать.

А в сва'ты пусть идёт Дунай – тихоня наш, мудрец.
Он в многих землях побывал, в послах он молодец».

Владимир чару подносил Дунаю, тот испил
И просит Василя с собой, он крёстным братом был.

Владимир – чару Василию, тот тоже выпивал,
С собою в качестве слуги он Василька позвал.

Пошли до дому, потом в путь – до самой до Литвы,
Их кони быстро довели до русской до черты.

На королевский двор зашли, с поклоном – к королю,
Король узнал – они с Руси, их пригласил к столу.

Когда ж Дунай порассказал, зачем их князь послал,
Король обиделся – не тех Владимир избирал.

Мол, надо богачей то слать, дворяне – не в чести.
Он слугам приказал послов всех в погреб отвести.

Но наш Дунай схватил того, кто рядышком сидел,
И стал дубасить всех подряд, король сбежать успел.

Издали кричит король: «Согласен дочь отдать».
Дунай: «Ну, то-то», говорит, «Я мог бы силой взять».

Идёт он в башню, где сидит Опракса день и ночь,
В одной рубашечке она, грустит, что жизнь невмочь.

Когда Дунай ей обсказал, Владимир, мол, зовёт,
Она в ответ, что вести той уже три года ждёт.

Посольство едет со двора с Опраксою в седле,
Та в поле чистом говорит: «Сестра есть на коне».

Настасией сестру зовут, она сильна – аж, жуть,
Не связывайся, Дунай, с ней, коль перережет путь».

Стоянку сделали когда, Настасья тут как тут,
Да, велика она была и силище – не врут.

Дунай ей говорит: «Иди, Настасья, за меня».
Девушка согласилась вмиг и спрыгнул с коня.

Приехали во Киев-град. Владимир рад как был!

И свадебный он закатил для всех знакомых пир.

На том пиру Дунай чуток, наверно, перебрал
И стал хвалиться – две жены в Литве он, мол, достал.

И князю, и себе жену сумел он привезти.
Настасья говорит, что, речь такая не к чести'.

– «Раз храбрый ты у нас такой, кольцо моё возьми,
На голову его поставь, я стрельну раза три».

Настасье меткости в стрельбе не надо занимать,
Дунай обиделся и тож решил всем показать.

Настасья молит: «Погоди, Дунай, не делай зла,
Во мне ребёночек сидит, твой сын. Рука тверда?»

Дунай – не трезв и промах дал, Настасью он убил.
Одной стрелой двоих зараз Дунай там погубил.

Опомнился: «Как жить теперь?!» Хватает Дунай меч,
С размаху на него Дунай бросается как в печь.

Успел он крикнуть, чтоб отсель Дунай-река текла.
И две струи вдруг потекли, так и текут века.

Сказ о Вольге и Микуле

Жил Святослав девяносто лет, оставил сына малого.
И Вольгой звали все сынка, он нравом был уда'лого.

Рос Вольга и мечтал о всём – в морях как рыба плыть,
Иль птицей в облака взлететь, иль волком в поле жить.

Но рыба уплывает вглубь, а сокол – в небеса,
Уходит зверь куда-нибудь, не видны чудеса.

Племянник Вольга князю был – Владимира, что главный.
Когда же Вольга возмужал, подарок князя – славный.

Три города тот получил: Крестьяновец – один,
Ореховец и Гуровец, мол, будь там господин.

Дружину Вольга отобрал, с ним тридцать молодцов.
Все молодцы – как на подбор и кони для бойцов.

Решил поехать в города, что в дар он получил,
Собрать получку для себя, закон таков там был.

По полю едут молодцы и слышать крик рата'я⁽⁹⁾,
Он лошадь, видимо, свою ведёт, так понукая.

Весь день скакали молодцы – ратая не сыскать,
Второй денёк они в пути – ратая лишь слышать.

На третий день его они смогли всё ж увидеть -
Огромно поле, он велик, соха ему под стать⁽¹⁰⁾.

«Куда дружину ты ведёшь?» – у Вольги он спросил,
– «Я в города свои скачу, получку где б добыл».

– «Бывал я этих городах, там соли я достал.
Мошеники одни живут, за вход платить не стал.

С шалыгой⁽¹¹⁾ я в пути всегда, с ней деньги я сберёг -
Стоящий сел, сидящий лёг, лежащий встать не смог».

«Поехали со мной, ратай» – тут Вольга говорит,
Ратай соху и отстегнул – поедет, коль, велит.

Когда отъехали они, ратай вдруг спохватился:
«А сошку могут своровать, вот кто-то б воротился.

И спрятал за ракитный куст, добро чтоб сохранять».
Поехали три молодца, соху им не поднять.

Послали десять молодцов – такой же результат.

Вернулись все они тогда – нет силы у ребят.

Ратай одной рукой соху берёт, за куст бросает.
Да, сила у него в руках, а Вольга лишь мечтает.

Поехал весь отряд вперёд, ратай опередил.
И Вольга говорит ему: «Был б конь, я бы купил».

«Кобылу жеребёнком взял и сам я воспитал» -
Ратай так Вольге отвечал, мол, он бы не отдал.

Теперь лишь Вольга мужика об имени спросил.
Он силой, ловкостью своей, наверно, заслужил.

Ратай ответил Вольге так: «Вот ржи я напашу,
В скирды сложу, потом – домой, её поворощу.

Обмолочу я эту рожь и пива наварю,
И в гости позову – кто хошь, и всех я напою.

И станут мужички хвалить, приветно величать.
Микулой Селя'ниновым меня, однако, звать».

(9) ратай – древнерусское, пахарь

(10) соха – одно из главных пахотных орудий русских крестьян, которой вспарывали верхний слой почвы, применя-

лась в лесистой местности

(11) шалыга – посох с загнутым концом

Сказ о боярине Дюке

В Волыни-городе Галичины прокля'той
В богатстве Дюк-боярин проживал.
Решил поехать в Киев он когда-то,
Мол, на Руси ещё он не бывал.

Он молод был, и мать всё убеждала:
«Не надо б ехать то на Русь сынок.
Ну, Киев там. Тебе, что не хватало?
К Владимиру от нас, ведь, путь жесток.

Заставы есть, одна – из змей шипучих,
Другая – из зверей, что всех едят,
А третья – две горы стоят ползучих,
Сомнут любого, будешь ты не рад.

Но, если всё же едешь, у застав тех
Стегай коня ты плетью от души.
Ты никому не хвастай о богатствах,
Чтобы чужие к нам за ним не шли».

Поехал Дюк и у застав жестоких
Коня пришпорил, проскочил он их.
И до Руси святой среди трав высоких
Доехал всё же, слез с коня, притих.

Владимир в церкви был и Дюк – туда же,
А с князем рядом там стоял Чурил,
Как Дюк он молод и во всём отважен,
Рассудком только бог не наградил.

Князь расспросил, ответил Дюк откуда,
Чурил сказал: «С боярином не схож»,
Подумал Дюк: «Обиду не забуду»,
Так слово за слово начался их галдёж.

Потом к себе на пир Владимир просит.
Дюк на мосту вдруг громко говорит:
«Из дерева опоры мост выносят? -
У нас опора серебром горит.

Всё платья я заляпал вашей грязью,
У нас – везде мощенье, чистота».
Приехали на пир, пока в согласье,
Но Дюк продолжил: «Жизнь здесь маета.

И калачи – неправильного вкуса,

Не в правильных печах у вас пекут,
Вино – не то, ведь бочки то из бруса,
У нас – из серебра, вкус придают».

Чурила не остался там в сторонке:
«Давай мы будем биться об заклад,
Чтоб каждый день три года в одежонке
Всё в новой, да такой, чтоб князь был рад».

Дюк срочно матушке посланье пишет
И отправляет с тем письмом коня.
Туда – обратно конь, он еле дышит,
Одежду привёз в злате, бег не зря.

Никто в три года верха не достигнет.
Чурила новый спор им предложил -
Кто с маху бурну реку перепрыгнет,
Тот и заклад солидный б получил.

Не знал Чурила – конь у Дюка славный,
Он брат коня, что Муромца возил.
Дюк реку перепрыгнул – в споре главный,
Чурилу Дюк из речки той тащил.

Владимир долго наблюдал за спором,
Ведь молодёжи свойственно играть.

Тогда Чурила предложил с укором:
«Хвастун ли Дюк? – Поехать б описать».

Владимир предложение принимает,
Отправил к Дюку молодцов отряд.
У города вдруг ступор возникает,
Пожар? – То крыши золотом горят.

Дюк их к себе, однако, приглашает,
Встречает Дюка-мать тех молодцов.
По просьбе Дюка мать всё открывает,
Смотрели долго, князю шлют гонцов.

Мол, князь, богатство то неисчислимо,
Бумаги надо – Киев весь продай,
Продай Чернигов, чтоб чернил хватило,
Что делать дальше, сам ты, князь, решай.

И сели пировать, такое дело –
Что у былины этой нет конца.
Да, молодёжь во всём излишне смела,
Не надо б слушать бредни молодца.

Сказ об Иване Грозном и его сыне

Давно в Царь-граде обитал по жизни Грозный царь,
Иван он был по имени – великий государь.

Был сын один-единственный и Федором зовут.
Там жили все любимыми. Беда же тут как тут.

Раз на мосту калиновом Иван заводит речь:
«Здесь много было хожено. А сколько крови течь?»

И обвинят сына он, мол, есть его грехи,
Кричит: «Ведите в полюшко и голову снести!»

Молчат все слуги верные, Скорлютка-вор встаёт,
Берёт сынка он за руки и в полюшко ведёт.

Но весть о том злодействии то от Москвы летит
До самого до Киева, там дядюшка сидит.

И в весточке слова звучат, случилась, мол, беда –
Померкло солнце красное, похоже, навсегда.

Вскочил Микита-дядюшка на быстрого коня,
Летит к Москве он реченьке, в те чистые поля.

Скорлютка саблю поднял там, но дядюшка успел:
«Не по тебе задание, подавишься с сил дел.

Беру с собой царевича. Татарина ищи -
Его и срубишь голову, её то и тащи».

Царевича во Киев-град он быстренько увёз.
Скорлютка срубил голову, а чью, то не вопрос.

Отвозит эту голову до батюшки-царя
И говорит: «Вот голова, в мешке ж лежит не зря».

А царь Иван кручинится, мол, зло он совершил,
Ведь нет на сына жалобы, он на него грешил.

И шесть недель прошло с того, и панихиде быть,
Повсюду – поминание и в Киеве б служить.

Иван-царь рядом с Киевом, он слышит пир идёт.
Зачем же то веселие, коль в трауре народ?

Он обвиняет дядюшку, что в горе не сидит,
А дядюшка Микита тот ему и говорит:

«Могу тебя обрадовать – ведь Федор твой живой!»
Иван стал снова радостный от весточки такой.

Сыночка он за рученьки за белые берёт,

Целует в уста сахарны. Ликует весь народ.

Сказ об Иване-пастушке

Жил-был Иван на свете, пас для селян коров,
Нашёл он как-то речку, решил добыть улов.

Три дня его мережка⁽¹²⁾ пустою всё была,
На третий видит – щука, приятные дела.

Но щука непростая то рыбина она,
Она сказала Ване, что будет, мол, жена.

Что вовсе и не щука, а девица-краса.
Ванюша удивился – такие чудеса.

Зажили они славно, настигла вдруг беда.
Царь умер в этом царстве, ушёл от всех «туда».

На троне сын остался и начал он мечтать -
Нужна жена такая, чтоб лучше не сыскать.

Искали все бояре, искали все князья,
Пришли к царю, сказали, что поиски все зря.

Что лучшая невеста – уже давно жена,
Ивану, мол, досталась, царя же злость взяла.

– «Чтоб получить невесту – Ивана погубить,
Придумайте заданье, чему нельзя и быть».

Придумали, конечно, позвали пастуха.
«За ночь расчисть лесочек, что простоял века.

Вспаши, посеи пшеницу, обмол, как в царску в печь.
Муку доставишь утром, к поминкам» – вот их речь.

Иван грустит на лавке, жена же говорит,
Я сделаю, как надо, и спать ему велит.

В ночь позвала, кто должен, – царей и королей,
Нечистотой силы тоже, похожей на зверей.

Всё сделали для Вани, муку к царю отнёс,
Но новое заданье – построить за ночь мост.

– «От дома и до церкви удобно чтоб ходить,
Злачёные перила, ковры там постелить».

Опять в раздумье Ваня, опять жена: «Поспи»,
Идут жене на помощь всё те же короли.

Царь утром удивился. Кричит он Ване в дверь:
«Сходи на тот свет Ваня, к отцу, он там теперь.

Спроси, как жить, мне, Ваня, и где найти жену,
А чтобы без обмана – лишь запись я приму».

Иван еще печальней, жена опять: «Не вой».
Ей короли приносят клубок, чтоб дать с собой.

Клубочек же волшебный, на тот свет приведет.
Иван пошёл по нитке, доходит до ворот.

Ворота те открылись, он проскочил туда,
Идёт давно уж Ваня, вдруг видит – ерунда.

Черпали очень дружно две женщины воды
И в озеро другое всё лили без нужды.

– «Ты попроси там, Ваня, чтоб нас освободил,
Кто этим порученьем давно нас наградил».

Идёт Ванюша дальше, двух видит мужиков,
Каменья, что таскают, без смысла труд таков.

Те тоже попросили освободить от бед –

Таскать те камни вечно без траты на обед.

Зашёл на мост Ванюша и видит – рыба-кит,
Узнать та тоже молит, когда уплыть велит.

Приходит Ваня к двери, сидит там старичок,
Ивана расспросил он, тот рассказал, что мог.

И дверь ему открыли, встречает царь-отец,
Послушал он Ивана и молвил, наконец.

– «Пусть сын отроет клады, чтоб нищим их отдать,
Мне с этих денег му'ку приходится принять».

Иван сказал, мол, ладно, выходит за порог,
Но вспомнил про невесту, вернулся на часок.

Чтоб царь-отец Ивану на ручке написал,
Как жить царёву сыну, невесту где б сыскал.

Ему всё написали, выходит он опять,
Но снова воротился, чтоб про кита узнать.

– «Кит проглотил корабль, он с богомолья был,
Пускай его отпустит и в море бы уплыл».

Иван сказал, что понял, уже за дверью он
И вспомнил, воротился – у мужиков, мол, стон.

– «Нет мужичкам прощенья – кладовщики они,
Но воровали много, пусть камни катят дни».

Опять Иван оттуда, потом туда опять:
«Что с женщинами будет, что надо отвечать?»

– «Те женщины – торговки, но чести не видать,
В обычай молоко им водою разбавлять».

Их не простили тоже. Иван пошёл домой,
Клубочек вновь поможет вести его с собой.

Кит выплюнул корабль, услышав Вани весть,
Иван успел повыше от той воды залезть.

Дошёл Иван до царства: «Кто дома его ждёт?»
Жена была так рада и он ей в свой черёд.

– «Когда ушёл ты, Ваня, они пришли за мной,
Мол, муж твой не вернётся, царёвой будь женой.

Я ж в птицу обернулась, а в молодницу – в ночь,
Я верила – вернёшься, гнала сомненья прочь».

Иван пошёл посланье отцово показать
И на словах про клад тот для нищих рассказать.

Царь-сын про клад послушал, посланье прочитал
И в обморок свалился, что там – он не сказал.

Наутро – богомолье и нищим всё отдал.
Иван с своей женою счастли'во поживал.

(12) мережка – рыболовная снасть в виде открытого с одной стороны сетчатого короба

Сказ о Вавиле и скоморохах

Как у Ненилы у вдовы сынок Вавила был.
Поехал поле засевать, тем с матушкой он жил.

Проходит мимо скоморох, да не один, а три.
Узнать Вавила захотел, куда они все шли.

– «Идём к соседнему царю, Собакой его звать,
Хотим его, его семью мы там переиграть».

Идём, Вавила с нами в путь, увидишь, каков свет».

«Но не умею я играть» – Вавила им в ответ.

Вручён Вавиле был гудок – «Попробуй погудеть»,
Другие дружно помогают – играть и громко петь.

И вожжи, что в руке его, как струны стали вмиг,
Вавила понял, что они – святые. Вот так стих!

Вавила в дом к себе ведёт на матушкин обед.
Краюха на столе её – из ржи, вдруг – белый хлеб.

Варёна кура из горшка взлетела там на печь.
«Святые люди в дом пришли» – такая её речь.

– «Сынок Вавила пусть идёт, коль хочет это сам».
Ушла компания гостей, затих гудошный гам.

В дороге видят мужика, молотит он горох,
Узнал у них – куда идут, привет его был плох.

Сказал: «Собака-царь силён, для вас найдёт он кол».
Вавила громко стал гудеть, раздался птичий звон.

Стада из птиц клюют горох, мужик их начал бить,
Потом увидел – детям он смог сильно навредить.

– «Святые люди были то, я ж не молился им».
Они пошли своим путём, он с горя стал седым.

Встречают мужика они – горшки везёт продать.
Узнал у них – куда идут, вновь грубость им узнать.

Сказал: «Собака-царь силён, для вас найдёт он кол».
Вавила громко стал гудеть, раздался птичий звон.

Летели куры к мужику, летели петухи,
Он их побил, в мешки сложил – достатки велики.

Когда приехал он на торг, мешки те развязал,
То птицы улетели все, в мешках лишь бой лежал.

– «Святые люди были то, а я им нагрубил».
Они пошли своим путём, ему разор там был.

Встречают деву, та бельё полощёт у реки,
Узнала, кто они, откель, пути как далеки.

Желает – перепеть царя, чтоб был им в этом толк.
Ушли, увидела она – был хост, теперь стал шёлк.

Пришли они и в царство то, Собака где глава,
Он встретил их и заиграл, мол, лишние слова.

От той игры большой потоп там разразился вдруг,
Собака вздумал потопить, кормить то – недосуг.

Вавила тоже стал играть, быки пришли к нему
И воду стали выпивать, что сушит всю страну.

Потом пожар возник в доме, огонь царя унёс.
И царствует Вавила там, он матушку привёз.

Сказ о матушке и её детях

Как было у матушки двенадцать сынов,
Ушли все в разбойнички дремучих лесов.

Была у той матушки красавица-дочь,
Отдали в замужество давно её прочь.

Жила припевающе у мужа-купца,
Решили отправиться на земли отца.

С собою сыночек взят, он у груди,
Привальчик устроили в лесу по пути.

И вдруг те разбойнички напали на них,

Купчину зарезали, сын в речке затих.

Жену обесчестили и стали гулять,
Один лишь сидит вдали, он смог их узнать.

Злодейство великое свершилось в ночи,
Виновна ли матушка, о том промолчим.

Сказ как мужик в рай ходил

В некотором царстве на Миколин день,
Нет травы крестьянам. Иль Миколу – лень?

Сход они собрали – надо б написать,
Чтобы Бог ответил, как им поступать.

Старосту послали, он взял журавля,
Прицепился к птице. Что летает зря?

К Богу прилетел он, Пётр у ворот,
Спрашивает строго: «Кто послал?» – «Народ».

Двери открывает, хочешь – проходи,
В канцелярье пусто, Саваоф сидит.

Он такой печальный, может, перепил,
Ну, а может, просто день угрюмый был.

В писарях, конечно, не напрасно тут –
Кирилл и Мефодий, грамоту те чтут.

Секретарь – Мария, Магдалина то ж,
Михаил Архангел – на курьера схож.

Мужичок сказал им, что Микола тот,
Не принёс травы им, скот давно ревёт.

Боже рассердился: «Где Микола наш,
Он же чудотворец, что за саботаж?»

Прибежал Микола, Бог ему: «Ты что ж?
Нас ты всех подводишь, веру подорвёшь».

Отвечал Микола: «Где б травы я взял,
Коль святой Григорий ручейков не дал».

И пошёл обратно пиво допивать,
Там ждала Варвара – мучеников мать.

Ищут, где Григорий. На коне пришёл,
Отвечает Богу: «Алексей на что?»

Алексей – с ключами. Как ручки включать?»
Бог уже трясётся: «Срочно разыскать!»

Алексей, конечно, божий человек,
Но намедни выпил, такой ныне век.

Потерял ключи он, к Богу всё ж пришёл.
– «Пивко не найдётся? – Было б хорошо».

Говорит он также: «Я то открывал,
Капельник Василий капли мне не дал».

И пришёл Василий, тоже хмельным был,
Ночь они сидели, утром нету сил.

– «Баба, мол, Авдотья, что плющиha там,
Ничего не плющит, вот и вышел срам».

Боже – на Авдотью: «Что у вас за дом,
Вы почто с Варварой сделали содом?»

Все пророки наши пиво с вами пьют,
Все дела забыли. Жалобы ж идут!»

Но Авдотья в крики: «Ты меня не трожь!»

Для дождя Илья лишь в приказаньях гожд.

Ты, однако, тоже в дом мой заходил.
У Марии часто ночи проводил».

С громовым раскатом к ним пришёл Илья.
– «Что же ты наделал, совесть где твоя?»»

– «Сам сказал ты, Боже, – летом, чтоб дожди.
Кончилась вся влага, снега и не жди.

Помнишь, приказал ты, чтоб дожди – в покос».
– «Говорил тебе я не в покос, а в спрос».

– «Может, перепутал, глуховат я стал».
Нету виноватых, Бог их не ругал.

Взял прошение в руки Боже, повертел
И сказал: «Пишите – отказать без дел».

Староста вернулся, мужикам – ответ.
На Миколу больше им надежды нет.

Сказ о небылицах в лицах

Небылица в лицах, небывальщина,
Небывальщина да неслыхальщина.

Как на старой матери сын снопы возил,
Конопляные снопы на спину грузил.

Небылица в лицах, небывальщина,
Небывальщина да неслыхальщина.

На горе' корова, выпучив глаза,
Лаяла на белку, глядя в небеса.

Небылица в лицах, небывальщина,
Небывальщина да неслыхальщина.

Белая овечка яйца принесла,
Курица на поле травку посекала.

Небылица в лицах, небывальщина,
Небывальщина да неслыхальщина.

Летел мишка в небе и хвостом рулил,
Лапами, ушами бодро шевелил.

Небылица в лицах, небывальщина,
Небывальщина да неслыхальщина.

Сорок лет Гулейко на печи сидел,
Слез Гулейко с печки, странное узрел.

Воду, что в лохани, морем он назвал,
Ложку, чем хлебают, кораблём признал.

Небылица в лицах, небывальщина,
Небывальщина да неслыхальщина.